

БИТВА

ПУРГАШ

ИЛИ

РУССКІЕ ГЕРОИ

ДОБРОВОЛЦЫ

БИТВА
РУССКИХЪ СЪ ТУРКАМИ
ИЛИ
РУССКІЕ ГЕРОИ
ДОБРОВОЛЬЦЫ
СОВРЕМЕННАЯ ПОВѢСТЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I Грабежи и истязанія турокъ. II. Русско-сербскій лагерь. III. Черногорцы и сербы. IV. Турки. V. Русскіе удалцы. VI. Бой съ турками. Заключение. Добровольцы.

МОСКВА

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА ШАРАПОВА.

1877.

ВЪСТАВ

РАССКАЗЪ СЪ ТАРЬАМИ

ИЛИ

РУССКІЕ ДѢТЯ

Дозволено Цензурой. Москва. 21 Декабря 1876. г.

СОВРЕМЕННАЯ ПОВѢСТЬ

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Въздѣланная въ типографіи С. Орлова, близъ Смоленск. Рынка и Бородинск. моста, д. Крацова.

ТИПОГРАФІЯ С. ОРЛОВА,

БЛИЗЪ СМОЛЕНСК. РЫНКА И БОРОДИНСК. МОСТА, Д. КРАВЦОВА.

ГРАБЕЖИ И ИСТЯЗАНІЯ ТУРОКЪ. II

Начиная отъ Чуприи сербская равнина начинаетъ подыматься все выше и выше. Если ѣхать отъ Бѣлграда къ Делиграду, то впереди передъ вашими глазами виднѣются черныя горы, надъ которыми высится громадная вершина великой сербской Планины; влѣво видна вершина Баньи съ ея горячими ключами; а тамъ идутъ Іовановцы, гдѣ были устроены гро-

надныя пекарни для сербско-русской арміи, а далѣе находятся Рожаны, которыя составляютъ послѣднюю станцію подъ Делиградомъ.

Отъ Рожанъ дорога начинается круто подыматься въ гору и потомъ спускаться въ лощину. Въ Сентябрѣ 1876 года этотъ путь былъ особенно оживленъ, въ слѣдствіе военныхъ дѣйствій.

По дорогѣ шли партіями и въ одиночку сербскіе солдаты; тянулись колы (повозки) съ провіантомъ; гнались огромныя стада барановъ для арміи; ѣхали фуры съ патронами и артиллерійскими снарядами, а по бокамъ шоссе, съ фурами, нагруженными разнымъ домашнимъ скарбомъ, располагались, около огней, несчастные болгарскіе бѣглецы; ихъ полунагія, голодныя дѣти просили у проѣзжающихъ милостыню.

Далѣ по сторонамъ дороги, въ лѣсу, виднѣлось множество настроенныхъ шалашей; вездѣ дымились костры и двигались сербскіе солдаты, изъ которыхъ нѣкоторые учились, маневрируя подъ русской командой.

Всюду было сильное движеніе.

Въ это время по дорогѣ, около полдень показалась кола, запряженная парой бойкихъ, но малорослыхъ сербскихъ лошадокъ. Кромѣ серба, который управлялъ лошадьми, въ колѣ сидѣли двое русскихъ добровольцевъ и одинъ сербъ.

Лошади шли шагомъ, такъ какъ дорога шла въ гору и одинъ изъ добровольцевъ, мущина среднихъ лѣтъ и роста, обратясь къ сербу, сказалъ на сербскомъ нарѣчій:

— Ивановичъ, скажите, неужели у васъ нѣтъ промышленности, кромѣ земледѣлія?

— Нѣтъ. Мануфактурная и заводская промышленность у насъ не развиты и почти не существуютъ....

— Такъ вы еще совсѣмъ не вышли изъ патріархальной простоты.

— Правда, простодушно улыбаясь, проговорилъ сербъ: страна наша почти совсѣмъ патріархальная и въ ней не существуетъ промышленности; но если она не можетъ быть введена на другихъ началахъ, чѣмъ въ Европѣ, съ непремѣннымъ образованіемъ большихъ капиталовъ, а вмѣстѣ съ ними и пролетаріата, то и Богъ съ ней со всѣмъ. У насъ весь народъ собственникъ и поземельная собственность распределена ровнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Видали ли вы въ Сербіи хоть одного нищаго? Явятся капиталисты и положеніе дѣлъ тотчасъ измѣнится. Посмотрите, какое

у насъ изобиліе и дешевизна всѣхъ предметовъ первой необходимости. Подати у насъ ничтожныя.

— Но скажите, почему у васъ не существуетъ горнаго промысла? вѣроятно, ваши горы богаты металлами.

— По той же причинѣ, что мы народъ земледѣльческій, а не промышленный. Взгляните, у насъ лѣса пропасть, но лѣснаго хозяйства не существуетъ; мы преимущественно, кромѣ земледѣлія, занимаемся скотоводствомъ; стада, въ особенности овецъ, у насъ огромныя и я думаю, что вы и сами замѣтили, что по долинамъ и холмамъ вездѣ пасутся рогатыи скотъ и овцы.

Въ эту минуту слова говорившаго прерваны толпою полуоборванныхъ болгарокохъ, въ числѣ которыхъ были и дѣти. Толпа,

обступя колу, жалобно начала просить милостыню. Лица у всѣхъ были исхудалыя, измозженныя, со впалыми глазами, тѣло было страшно худо, и вообще говоря, видъ ихъ внушалъ къ себѣ состраданіе и невольное сожалѣніе.

Проѣзжающіе схватились за свои кошельки и начали бросать монеты несчастнымъ, которые подхватывали ихъ налету. Изъ числа ихъ, особенно обратила на себя вниманіе одна красивая дѣвочка, и сербъ спросилъ ее по болгарски:

— Откуда ты, дѣвушка?

— Изъ Базарджика. Тамъ за горами родной мой домъ былъ, отецъ и мать, сестра и братъ. О, Боже правый, все турокъ погубилъ!

— Какимъ образомъ?

Дѣвушка, заплакавъ продолжала:

— Домъ нашъ ограбленъ и сожженъ, мой отецъ замученъ, свирѣпый врагъ овецъ угналъ, а хотыя съ матерью, съ сестрой и братомъ и убѣжали, но голодь былъ такъ лютъ, что отъ него скончалась наша мать, при ней тогда же отъ него умерли и братъ мой и сестра. О, Господи, успокой страдальцевъ въ своемъ раю. Едва жива осталась я и ушла въ вашъ край.

Рыданія не дали ей больше говорить и невыносимо было смотрѣть на нее. Добровольцы поспѣшили по скорѣе скрыть-ся отъ несчастной толпы, которая надры-вала имъ душу и вызывала слезы.

Дѣйствительно въ это время положеніе болгаръ было самое тяжкое.

Черкесы и баши-бузуки днемъ грабили и отнимали у мирныхъ жителей ихъ скоть,

лошадей и имущество, завладѣвали вино-
градниками, полями, долами и мельницами.
Власти турецкія ничего не предпринимали
и даже не старались сдѣлать этого, и
болгары не жаловались въ томъ убѣжденіи,
что, послѣ неудовлетворенія или удовлет-
воренія ихъ жалобъ, все-таки имъ при-
дется поплатиться жизнью. Имъ оставалось
одно средство: бѣжать въ лѣса или въ
сосѣдную землю не подвластную тур-
камъ,—и они бѣжали цѣлыми толпами.

Но бѣглецовъ ждалъ голодъ, а тѣхъ,
кто не бѣжалъ и оставался, еще худшая
участь ожидала.

Турецкіе военачальники и жандармы,
гдѣ останавливались ночевать, забирали
къ себѣ всѣхъ дѣвушекъ изъ деревни и
безчинствовали надъ ними. Большое ко-
личество дѣвиць и женщинъ болгарокъ

для спасенія своей жизни должны были принять магометанство. Многія семьи были въ отчаяніи, что у нихъ турки отняли дѣтей и не знали, гдѣ теперь горевали ихъ дочери и невѣстки: въ какомъ гаремѣ оплакивали свою горькую долю.

Въ одномъ округѣ Филиппопольскомъ было разорено до 183 селъ, не меньше было сравнено деревень съ землей и въ другихъ частяхъ Болгаріи, такъ что несчастные теперь жили уже не въ домахъ, а въ простыхъ шалашахъ.

Въ разоренныхъ (земляхъ) деревняхъ турецкое правительство, правда, поставило было жандармовъ для защиты полуизбитыхъ жителей отъ башибузуковъ, но эти блюстители порядка и безопасности, по ночамъ сами собирали несчастныхъ женщинъ и проводили съ ними свое время

въ безпутныхъ оргіяхъ, отнимая отъ несчастныхъ и тѣ вещи и деньги, которыя были даны имъ христіанскою благотворительностью, бросая несчастнымъ раскаленные уголья въ глаза и предавая страшнымъ пыткамъ изъ-за денегъ!

II.

РУССКО-СЕРБСКІЙ ЛАГЕРЬ.

Между тѣмъ добровольцы, поднявшись на возвышенность, очутились на огромной площади. Влѣво виднѣлось бѣлое зданіе съ развѣвающимся знаменемъ Краснаго Креста; вправо шелъ рядъ шалашей, гдѣ маркитанты продавали вино и табакъ. Впереди была траншея и засѣки, а дальше бѣлый домъ, обнесенный заборомъ, который занималъ главнокомандующій сербской арміи, генераль Черняевъ, а въ досчатыхъ баракахъ, настроенныхъ по правую его сторону, помѣщался штабъ его.

Это былъ Делиградъ.

Делиградъ, это просто возвышенное мѣсто, съ построенными на немъ двумя каменными постоянными дворами, которые по сербски называются кафнами, и которые повсюду встрѣчаются по тамошнимъ дорогамъ. Мѣсто это и въ прежнихъ войнахъ имѣло важное стратегическое значеніе и теперь вновь было выбрано, какъ стратегическій пунктъ.

Делиградъ лежитъ на обрывистомъ берегу Моравской долины, которая тутъ шириною около трехъ верстъ. Рѣка протекаетъ по ту сторону горъ, на которыхъ были расположены главныя сербскія силы, запиравшія туркамъ, на Дюнишскихъ высотахъ, спускъ въ долину Моравы и на Крушевацъ, съ потерей ихъ непріятелю открывался свободный путь до самаго Бѣлграда, потому что въ плоской долинѣ

сербамъ держаться противъ турокъ и думать было нечего.

Лощина, ведущая къ Кревету, отдѣляла сербскія позиціи отъ турецкихъ. По лѣвую ея сторону, на Лысой горѣ, видны были въ зрительную трубку турецкія укрѣпленія; на правой же сторонѣ сербскія батареи скрывались въ лѣсу, покрывающемъ всѣ здѣшнія горы. Къ югу долина оканчивалась синими очертаніями горъ Великой сербской Платины.

Не смотря на сильныя укрѣпленія положеніе сербской арміи было довольно трудное и она едва могла держаться противъ турецкой силы, гораздо превосходившей ея своей численностью. Кромѣ того сербы были плохо организованы и вооружены. За исключеніемъ прекрасной артиллеріи, сербы ни въ чемъ не могли сравняться съ турками, у которыхъ въ послѣднее

время, благодаря англійскимъ офицерамъ, артиллерія сдѣлалась превосходною; ихъ крупновскія пушки получали боевые снаряды изъ Англии, оттуда же явились къ нимъ и отличные наводчики; при всемъ этомъ турецкіе солдаты стрѣляли мастерски, благодаря тому, что турецкое правительство никогда не стѣсняло своихъ подданныхъ ни порохомъ, ни оружіемъ.

Были и другія причины, заставившія сербскую армію отступать предъ турецкой и укрѣпляться въ послѣднихъ своихъ позиціяхъ. Во-первыхъ война была объявлена въ неблагоприятное время. Еще прошлой зимой сербская скупщина рѣшила немедленно начать борьбу съ Портой; тогда были со всѣмъ другія обстоятельства: Турція не была вовсе приготовлена къ войнѣ, Англія тоже не была приготовлена помогать ей, стояла зима, и потому

можно было надѣяться, что сербскія войска, занявши Боснію, а черногорцы, занявши Герцеговину, скоро покончили бы съ турками, а дипломатіи пришлось бы только установить новый порядокъ вещей его признаніемъ. Болгарская рѣзня и грабежи еще не начинались и, вѣроятно, была бы предупреждена быстрымъ замиреніемъ двухъ возставшихъ областей. Но интриги дипломатіи все испортили.

Своимъ давленіемъ дипломатія въ самое удобное время удержала Сербію и Черногорію, а медленностью своею раздула пожаръ на Балканскомъ полуостровѣ. Между тѣмъ Сербія и Черногорія все же таки очутились въ войнѣ съ Турціей, но уже тогда, когда война однимъ имъ была не поплечу. Во-вторыхъ короткое перемиріе было простою ловушкою для сербовъ, подстроенною имъ Англіей и Ав-

стрией съ цѣлью дать Турціи уврѣпиться въ занятыхъ позиціяхъ и снабдиться боевыми припасами, которые въ то время прибывали на корабляхъ изъ Англіи.

Все это и вмѣстѣ съ тѣмъ апатичность сербскихъ чиновныхъ людей, ихъ интриги и легкое, эгоистическое самолюбіе увеличивали плохое положеніе сербской арміи.

Но обратимся къ разсказу.

Когда въѣхали въ Делиградъ наши добровольцы, уже свечерѣло. На небѣ всплылъ полный мѣсяць и заблистали звѣзды—всѣ горы покрылись бивуачными огнями, а внизу долина Моравы задымилась туманомъ.

Видъ былъ очаровательный.

Приѣхавшіе добровольцы вошли въ одну изъ кафенъ, гдѣ толпились черногорцы, сербы и русскіе добровольцы.

Последнихъ было больше. Наши добро-

вольцы составляли лучшую и самую стойкую часть сербской армии и число их постоянно увеличивалось, такъ что численность русскихъ здѣсь достигала до тысячи человекъ, что и подало генералу Черняеву мысль образовать изъ русскихъ самостоятельную дивизию, начальникомъ которой былъ назначенъ храбрый полковникъ Межениновъ.

Но не всѣ русскіе добровольцы были одинаково полезны для главнокомандующаго. Изъ первоначально прибывшихъ добровольцевъ, которые только жуировали въ Бѣлградѣ, генераль, введя тамъ русскую позицію, удалилъ во свояси всѣхъ, кто не хотѣлъ ѣхать въ дѣйствующія войска, оставя такимъ образомъ только лучшихъ, которые оказывали необыкновенную храбрость и стойкость, такъ что сами сербы сознавались, что безъ нихъ

они не могли бы такъ долго держаться противъ врага, снабженнаго отличными ружьями, руководимаго англійскимъ генераломъ и имѣвшаго англійскихъ артиллеристовъ, множество офицеровъ изъ англичанъ, австрійскихъ нѣмцевъ и венгерцевъ.

Едва показались добровольцы, какъ нѣсколько русскихъ окружило ихъ и слышались восклицанія:

— Здравствуйте, Авдѣевъ, Васильевъ!

— А, Головачевъ! здравствуйте Бекъ, Марковичъ... мое почтеніе Ивановъ, а Пономаревъ гдѣ, живъ ли?

— Нынче по утру басурманская пуля уложила бѣднягу въ шанцахъ.

— Жаль, удалой молодець былъ. Поплачетъ о немъ бѣдная мать на родинѣ, грустно проговорилъ Авдѣевъ.

— Ну, не объ одномъ будутъ плакать

въ Россіи... ты слышалъ ли и полковникъ Раевскій убитъ.

— Слышалъ еще въ госпиталѣ.

— А геройски умеръ!... Молодцомъ шелъ впереди своей дивизіи, а ядра и пули такъ и обсыпали его. Впередъ, впередъ! только и кричалъ онъ сербамъ указывая саблей на турецкія батареи, и сербы какъ львы шли на турокъ. Раевскій уже достигъ батарей, еще одна минута, и они были бы наши, какъ къ эту секунду пуля ударила его. Онъ упалъ, убили и его войники, дрогнули и побѣжали назадъ.

— Да это всегда такъ случалось: пока русскіе впереди, до тѣхъ поръ и батальоны стойко держутся, а пали наши, такъ и начинается разстройство... вонъ подъ Алексинацемъ сколько пало нашихъ офицеровъ... А главнокомандующій здѣсь?

— Нѣтъ, съ утра еще уѣхалъ съ начальникомъ штаба осматривать позиціи... Ну, какъ твоя рана?

— Зажила, вынули пулю.

— Что дѣлается въ Бѣлградѣ, чай знаешь.

— А вотъ погоди, разскажу, дай только выпить рюмку ранія.

Добровольцы сѣли за отдѣльный столъ и спросили вина. Имъ подали.

Авдѣевъ, выпивъ рюмку, проговорилъ:

— Въ Бѣлградѣ только и есть одно, что повсюду слышишь объ интригахъ и ведутся они тайно.

— Гадко, открытій врагъ лучше тайнаго.

— Еще бы!

— Скверно.

— Да и вообще скажу, что въ Бѣлградѣ набралось столько разнаго сброду, что

врагамъ Сербіи легко заводить въ немъ свои интриги и приобрѣтать подкупныхъ агентовъ.

— Нужно было бы получше присматривать за такими подозрительными личностями... да впрочемъ что я говорю, и здѣсь, въ арміи, трудно уберечься отъ шпионовъ. Не далѣе недѣли было перехвачено письмо къ туркамъ, въ которомъ имъ писали объ одномъ нападеніи, которое хочетъ сдѣлать главнокомандующій.

— Что и говорить... По слабости полицейскаго надзора, вотъ что вышло. Въ городъ наѣхало не мало праздношатающихся людей, они новыслушали, новысмотрѣли, что было нужно, а потомъ и перебрались къ своимъ пріятелямъ туркамъ.

— Дурно; но хуже всего—это ссора

военнаго министра съ генераломъ. Она раздражаетъ и волнуетъ его.

Авдѣевъ хотѣлъ было что-то сказать, какъ его слова были прерваны громкимъ голосомъ одного добровольца, который былъ уже на веселѣ и сидѣлъ въ компаніи десяти русскихъ офицеровъ.

— Господа, крикнулъ онъ: мнѣ счастливая мысль пришла въ голову!

— Говори, Петровъ, какая?

— Завтра день рожденія Михаила Григорьевича, такъ обрадуемъ же мы чѣмънибудь своего незабвеннаго главнокомандующаго!

— Да чѣмъ?

— У насъ нынче, по утру, турки взяли два шанца, вѣрно это?

— Къ сожалѣнію вѣрно!

— Что сдѣлали они по утру, то сдѣлаемъ мы ночью—идемте выбивать турокъ

изъ шанцевъ... Кто за мной?

— Bravo, bravo! ай, да, молодець! Славная мысль! раздались голоса въ кафнѣ: я, я, иду! кричали русскіе.

— Мы всё идемъ! заголосили добровольцы, подымаясь съ мѣсть; но одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Но, господа, какъ же мы возьмемъ шанцы?

— Очень просто! произнесъ ораторъ на ура!

— Но вѣдь главнокомандующій строго запретилъ стрѣлять, чтобъ не дѣлать лишней и пустой тревоги.

— Мы и не будемъ стрѣлять, а возьмемъ въ штыки, по Суворовски.

Всѣ добровольцы одобрили мысль, только молчалъ одинъ молодой человѣкъ съ улыбкой поглядывая на товарищей. Онъ былъ

одѣтъ не въ военный мундиръ, а просто въ штатскій сюртукъ.

— Ты что же, Хлудовъ, молчишь, проговорилъ одинъ изъ добровольцевъ, или турки отбили у тебя охоту повеселиться?

— Не можетъ быть, сказалъ другой: Хлудовъ нашъ не такого поля ягода, чтобъ когда нибудь струсиль: онъ всегда впереди всѣхъ... Вѣрно у него засѣла другая мысль въ голову.

Простодушно улыбнувшись, Хлудовъ сказалъ:

— Вы правду сказали Григорьевъ. Господа, въ шанцы съ вами я не пойду, а пройду сквозь турецкія цѣпи, подберусь къ ихъ батарее, перебую прислугу и заклеплю вражьи орудія. Кому нравится моя выдумка, прошу пожаловать со мной.

Толпа русскихъ заволновалась: одни хотѣли идти съ Хлудовымъ, другіе—въ шанцы. Человѣкъ съ тридцать порѣшили брать батарею, а остальные семдесятъ—выбивать турокъ изъ шанцевъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вся кафна опустѣла.

III

Т у р к и.

Теперь перенесемся въ турецкій лагерь.

Въ одной изъ деревень, расположенной на Криватскихъ высотахъ и теперь занятыхъ турецкими войсками, находилась главная квартира главнокомандующаго арміей, Абд-уль-Керима паша.

Самъ онъ помѣщался въ одномъ изъ домовъ села и теперь находился вмѣстѣ съ англійскимъ генераломъ Камбелемъ, который въ задумчивости разглядывалъ карту Сербіи и дѣлалъ какія-то отмѣтки.

Керимъ-паша по своему происхожденію былъ изъ Пруссіи, которую оставилъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, и поступилъ въ ту-

редеую службу, принявъ магометанство. Здѣсь скоро онъ возвысился и вошелъ въ извѣстность, получивъ въ послѣднее время должность военнаго министра, а потомъ званіе главнокомандующаго съ чиномъ генералиссимуса.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ царствовало глубокое молчаніе. Керимъ-паша безпечно покуривалъ свой кальявъ и наконецъ сказалъ, обращаясь къ англійскому генералу:

— Генераль, я только что получилъ приказъ, во что бы то ни стало взять Дюнишскія высоты и положить конецъ войнѣ.

— Это довольно трудно, отрывисто сказалъ англичанинъ: не будь у сербовъ русскихъ, гораздо дѣло вышло бы легче.

— Стойкій народъ. Но все таки мы ихъ опрокинемъ, вѣдь у меня солдатъ вдвое больше, чѣмъ у сербовъ.

— Правда; но вспомните, насъ и подъ Аликсинацемъ было втрое больше сербовъ, дрались шѣсть дней, а всетаки Черняевъ опрокинулъ насъ.

Керимъ-паша нахмурился; неудача подъ сербской крѣпостью видимо раздражала его. Между тѣмъ англичанинъ сказалъ:

— Генераль, я обязанъ сказать вамъ нѣсколько дружескихъ словъ.

— Я слушаю ихъ.

— Къ чему вы такъ жестоко поступаете съ плѣнными? Видано ли было, хоть въ одной арміи, чтобъ плѣнныхъ распинали, жгли, уродовали и истязали. Такъ дѣлать нельзя, на нашей сторонѣ можетъ быть общественное мнѣніе Европы, а безъ него, какъ вы сами хорошо понимаете, плохо придется Портѣ.

— Справедливость вашихъ словъ я хорошо сознаю, но ничего сдѣлать не

могу; вспомните, что вражда между христианами и нами племенная, а при томъ мы не щадимъ сербскихъ плѣнныхъ потому, что сербы находятся въ иномъ положеніи къ намъ, чѣмъ какое нибудь другое государство. Сербы находились до сего въ вассальномъ подданствѣ, теперъ возстали, возмутились, и потому жестоко должны быть наказаны.

Англичанинъ сомнительно покачалъ головой и сказалъ:

— Смотрите, пока сербы хорошо обходятся съ нашими плѣнными, но жестокости вашихъ солдатъ могутъ вывести ихъ изъ терпѣнія и тогда они также будутъ раздѣлываться, какъ и вы... но, погодите, генераль, это что такое, слышите?

Въ эту минуту до ихъ ушей донесся залпъ выстрѣловъ, онъ повторился и въ комнату вбѣжалъ адъютантъ паши.

— Что такое случилось? спросил онъ.

— Непрiятель напалъ на насъ.

— Въ такое время? Пошли сейчасъ узнать въ чемъ дѣло, вскричалъ паша.

Одъютантъ послѣшно вышелъ.

— Какъ вы думаете, генераль, не ударить ли тревогу?

— Погодите, можетъ быть это одна изъ выходокъ русскихъ волонтеровъ.

— Я рѣшительно раздраженъ на этихъ головорѣзовъ: ни одной ночи не проходить, чтобъ они не беспокоили арміи.

— Да, съ ними не надо плоашть. Помните, подъ Алексинацемъ ихъ одна рота въ нашихъ горахъ отбилась отъ двухъ нашихъ баталіоновъ и цѣлыхъ двѣ версты отступала въ порядкѣ, спокойно отстрѣливаясь отъ нашихъ солдатъ.

— Къ счастью, что ихъ не такъ много въ Сербской арміи.

— Да, а то не такихъ бы результатовъ достигли бы мы здѣсь. При своей стойкости и умѣннѣ пользоваться мѣстной преградой, Черняевъ съ ними никогда бы не допустилъ насъ до Делиграда.

— А теперь, вѣроятно, скоро будемъ и въ Моравской долинь.

— Безъ сомнѣннѣ. Но, вѣроятно, насъ туда не пустять.

— Кто же можетъ помѣшать намъ? съ гордымъ видомъ проговорилъ паша.

— Конечно ужъ не сербы; но другъ ея, вѣрный помощникъ и защитникъ.

— Вы говорите про Россію?

— Да.

— Ну, это увидимъ мы.

— И ничего не можетъ быть легче.

Въ то время, когда мы собьемъ сербовъ съ высотъ и для нихъ наступитъ роковая

минута, Россія заставитъ Порту пріостановить военныя дѣйствія.

— Вы плохой пророкъ, генераль.

— Не пророкъ, а хорошій угадчикъ.

Дѣйствительно генераль былъ отгадчикъ и въ послѣдствіи, когда турки сбили сербовъ съ высотъ, тотчасъ же по настоянію нашего Государя Порты нашлась вынужденной заключить перемиріе, не смотря на протестъ своихъ военачальниковъ.

Русскій государь оказалъ Сербіи большую, вознаградимую услугу, когда, тотчасъ послѣ паденія Дьюниша, потребовалъ перемирія. Кто проѣздомъ чрезъ Крагуевацкіе военные заводы, только взглянетъ на многочисленныя снарядныя повозки, стоящія пустыми, и на испорченныя батареи, тотъ долженъ согласиться, что продолжать войну Сербія не могла.

Военныхъ снарядовъ достало бы не болѣе, какъ на двѣ недѣли, ибо Сербія, по увѣренію знающихъ лицъ, во время четырехмѣсячной борьбы, разстрѣляла въ семь разъ больше снарядовъ, чѣмъ Германія въ продолженіи войны съ Франціей!

Это объясняется тѣмъ, что снаряды издерживались безъ всякой вужды неопытными сербскими солдатами; иногда же, при отступленіи, солдаты бросали снаряды вмѣстѣ съ кожаными ящиками, въ которыхъ они помѣшались. (*)

Въ то время, когда два генерала ожидали извѣстія о тревогѣ, въ полѣ происходило вотъ что:

(*) Голосъ. № 323.

IV

Русскіе удальцы.

Вооружившись, партія русскихъ добровольцевъ раздѣлилась на двѣ части. Одна изъ нихъ пошла прямо съ горы въ ложбину, а другая, во главѣ съ Хлудовымъ, двинулась въ право.

Къ счастью удальцовъ погода перемѣнилась и свѣтлая, ясная ночь замѣнилась непроглядной темнотой. Съ верху заморосиль уже дождичекъ.

Тихо и осторожно подвигались впередъ смельчаки, рѣшившіеся выбить турокъ изъ сербскихъ шанцевъ; даже никто и не каш-

лялъ, боясь, какъ бы не надѣлать тревоги. Долго шли они въ такомъ молчаніи, двигаясь одинъ за другимъ, какъ вдругъ, прямо передъ собой, внезапно увидали, въ нѣсколькихъ шагахъ полугорящій костеръ. Всѣ на минуту приостановились и стали прислушиваться.

Все было тихо.

Одинъ изъ добровольцевъ прошепталъ:

— Это, господа, должно быть передовой чикетъ непріятели.

— Вѣроятно такъ. Надо осмотрѣть его, сказала другой.

Человѣкъ съ восемь отдѣлилось отъ небольшого отряда и пошли впередъ. Не доходя шаговъ двадцать до костра, они замѣтили турецкаго часоваго, безопасно и

безъ всякой предосторожности сидѣвшато у костра, который тихо напѣвалъ себѣ подъ носъ заунывную родимую свою пѣню. Двое изъ добровольцевъ притнулись къ землѣ и словно змѣи поползли къ нему, не производя ни малѣйшаго шума. Подкравшись еще ближе къ часовому, они разглядѣли, что у шалаша, гдѣ находился турецкій пикетъ, стояли съ десятка два ружей въ сошвахъ.

Кругомъ было все тихо, только слышалось всхрапыванье спящихъ турокъ въ шалашѣ.

— Они спятъ! Полушопотомъ произнесъ Авдѣевъ, который былъ тутъ же въ партіи: надо снять этого молодца.

Онъ потихоньку выдернулъ изъ ноженъ ятаганъ, съ быстротой молніи поднялся на ноги и въ тотъ моментъ, когда часовой

было обернулся, услыша легкій шумъ,
онъ ударилъ его по головѣ.

Ударъ былъ силенъ.

Несчастный, не вскрикнувъ, покатился на землю съ раздробленной на двѣ части головой. Добровольцы бросились къ ружьямъ и повалили ихъ. Произведенный при этомъ шумъ пробудилъ одного турка въ шалашѣ, онъ было высунулся, чтобы посмотреть, что дѣлается снаружи, какъ мѣткій ударъ ятаганомъ по шеѣ; отделилъ ему голову отъ туловища, и она покатила по травѣ, лепеча языкомъ.

Добровольцы свиснули.

Въ одинъ моментъ остальные шесть товарищей приближали къ нимъ, бросились въ шалашъ и начали рѣзню ятаганами. Турки проснулись. Изумленные неожиданностью они было попробовали защищаться, но дѣйствовали въ розъ и дѣло

съ ними было покончено въ нѣсколько минутъ: они всѣ были изрублены. Нѣкоторые изъ нихъ были перерублены пополамъ.

Управившись съ пикетомъ, добровольцы дали знать остальнымъ, что опасности больше нѣтъ и всѣ двинулись дальше впередъ.

Занятые турѣами шанцы находились въ лощинѣ, покрытой колючимъ и частымъ кустарникомъ. Этимъ прикрытіемъ воспользовались смѣльчаки и незамѣтно начали подходить къ шанцамъ, въ которомъ находился цѣлый батальонъ турецкаго регулярнаго войска.

По безопасности своей, да и не ожидая нападенія, турки спокойно отдыхали въ шанцахъ. Часовыхъ почти совсѣмъ не было. Большинство солдатъ было погружено въ глубокій сонъ, да и не мудрено:

всѣ они въ этотъ день побывали въ упорной битвѣ съ сербами и побѣда не дешево досталась имъ. Другіе же молча сидѣли у огней, покуривая трубки и въ задумчивости, посматривая другъ на друга. Кой-гдѣ слышался шопоть и можно было раз- слышать, какъ кто-то шепталъ своему сосѣду:

— Собаки, гяуры, ишь какъ долго не пускаютъ въ долину, заверлись въ своихъ горахъ и не даютъ намъ ходу, отощали совсѣмъ, только и знай что ѣшь кукурузную лепешку.....

— Да, не мѣшало бы, другъ, поскорѣе перебраться въ долину; говорятъ, тамъ во всемъ изобиліе, такъ наживемъ порядкомъ.

— Спуску никому и ничему не дадимъ, что можно ввять, съ собой унесемъ, а чего нельзя, то въ огонь, помнишь, какъ распоряжались въ Болгаріи мы.

— А какъ не велятъ?

— Кто не велить?

— Падишахъ.

— А что ему жалѣть гяуровъ, онъ еще долженъ только радоваться, что мы перебьемъ ихъ всѣхъ.

— Почему.

— А вотъ почему, слыхаль я, что намъ отъ христіанъ скоро долженъ придти конецъ, и они рано ли, поздно ли должны погубить насъ и завладѣть нашимъ наследіемъ.....

— Коли такъ, то жалѣть и вправду нечего гяуровъ.

— Впрочемъ, не всѣ они на насъ; вонъ инглезы, такъ стоятъ за правовѣрныхъ.

— Сердита на насъ одна только Русь.

— Погоди, управимся и съ ней.

— Сильна больно...

— Нужды нѣтъ.

Турокъ не договорилъ. Въ это мгновеніе снаружи шанцевъ послышалось оглушительное ура, въ мигъ русскіе добровольцы съ ружьями на перевѣсѣ ворвались въ шанцы, коля всякаго, кто не встрѣчался на пути.

Нападеніе ошеломило турокъ. Они заметались. Въ безпорядкѣ, давя и толкая другъ друга, они бросились въ разсыпную. Не зная числа напавшаго врага и не предполагая, что тутъ была ничтожная часть удалцевъ, смущенные турки, давъ залпъ, поспѣшно стали отступать изъ шанцевъ, избѣгая силы ударовъ русскаго штыка, который въ рукахъ нашего такъ же страшенъ, какъ острый ятаганъ въ рукахъ черногорца.

Не прошло и четверти часа, какъ русскіе выбили врага изъ шанцевъ и завла-

дѣли ими, не потерявъ при этомъ ни одного человѣка, ибо враги въ темнотѣ и испуганные стрѣляли на воздухъ. (*)

Нетакъ удачно вышло предиріятіе Хлудова.

Небольшой отрядъ его весело подвигался къ непріятельскимъ баттареямъ. Безъ всякой для себя опасности, онъ миновалъ турецкіе аванпосты и подвигался впередъ, какъ вдругъ смѣльчаки увидали не въ далекомъ отъ себя какую-то человѣческую фигуру.

Это былъ одинъ изъ турецкихъ офицеровъ, идущій осматривать пикеты, Добровольцы пріостановились было. Но Хлудовъ весело проговорилъ:

— Господа, вотъ прекрасный случай

(*) Подобный случай смѣлости былъ сообщенъ въ ноябрьскихъ нумерахъ. Р. Г.

завладѣть туркомъ и взять его живьемъ въ своемъ же лагерѣ.

— Отличная мысль! вскричалъ одинъ изъ рослыхъ добровольцевъ и въ мигъ очутился передъ офицеромъ.

Приставя къ груди его кинжаломъ онъ грозно прошепталъ:

--- Ни съ мѣста! сдавайся!

Турокъ съ изумленіемъ отступилъ. Доброволецъ схватилъ его за плечо. Понявъ, что его хотятъ взять живьемъ и что во кругъ него, словно изъ земли, выросли и другіе добровольцы, турокъ быстро выхватилъ саблю и описалъ ею кругъ въ воздухѣ, но прежде чѣмъ она успѣла коснуться головы русскаго, кинжалъ послѣдняго уже проткнулъ насквозь сердце врага, и онъ безъ крика упалъ на землю.

— Зачѣмъ убилъ! прошептали съ уку-

ризной добровольцы: вѣдь сказано было
взять его живьемъ.

— Сами видѣли, господа, что онъ не
желалъ отдаться; не ткну я его кинжаломъ,
навѣрно очутился бы на его мѣстѣ...

— Нечего толковать объ этомъ, произ-
несъ Хлудовъ, не время, вперед!

Они двинулись дальше.

Но не успѣли пройти и двухсотъ ша-
говъ; какъ передъ ними съ земли поднял-
ся турецкій солдатъ.

— Батарея не далеко; надо тихонько
убрать его! прошептало нѣсколько голо-
совъ.

Трое добровольцевъ подскочили къ сол-
дату. Онъ узналъ ихъ. Быстро отскочивъ
въ сторону, турокъ выхватилъ револьверъ,
и выстрѣлилъ. Пуля свиснуса надъ голо-
вами русскихъ; но въ свою очередь при-
ложился изъ ружья и русскій доброволецъ.

Грануль другой выстрѣль, турокъ упаль, но зато разнесшееся въ воздухѣ эхо и гулко отдавшись по горамъ, пробудило турецкихъ артиллеристовъ. Они проснулись и открыли картечный огонь.

— Дѣло испорчено, печально проговорилъ Хлудовъ; господа, отступать!

Всѣ добровольцы побѣжали вдоль турецкой линіи въ ту сторону, гдѣ на горахъ стоялъ съ своими сербами Хорватовичъ. Въ слѣдъ имъ свистала турецкая картечь, а громъ выстрѣловъ вездѣ подымалъ тревогу: вскакивали турецкіе воины хватались за ружья и выбѣгали изъ шалашей, не понимая что происходитъ и приготавлиаясь къ отпору на случай нападенія.

Такъ въ тревогѣ и прошла вся ночь для турецкой арміи.

Между тѣмъ добровольцы успѣли дос-

тигнуть сербскихъ аванпостовъ. Тамъ тоже были всѣ на ногахъ, слыша только первые выстрѣлы.

Отъ Хорватовича примчался ординарецъ съ приказаніемъ узнать въ чемъ дѣло.

Русскіе со смѣхомъ рассказывали о ночномъ своемъ приключеніи. Сербскіе солдаты, обступя ихъ, слушали добровольцевъ съ какимъ-то наивнымъ простодушіемъ, и потомъ одинъ изъ нихъ, съ серьезнымъ выраженіемъ лица сказалъ:

— А зачѣмъ хотѣли вы заклепать пушки и перебить прислугу.

— За тѣмъ, что они вражьи, сказалъ одинъ доброволецъ.

— Но вѣдь не турци первые начали?

— Нѣтъ, мы.

— Такъ не слѣдовало вамъ дѣлать.

— Почему?

— А потому, что турци въ васъ не пугали, ну и вамъ не надо было пугать въ нихъ.

Громкій и веселый смѣхъ русскихъ былъ отвѣтомъ на наивность серба.

V

Сербы и черногорцы.

Нужно сказать, что сербы вовсе не воинственный народъ и на посторонняго челоуѣка производятъ впечатлѣніе чего-то добраго и симпатичнаго, и ихъ никакъ нельзя въ этомъ случаѣ сравнивать съ черногорцами.

Сербы, жители прекрасной богатой страны, есть мирные пастухи—земледѣльцы, незнавшіе до послѣдняго времени, что такое военная служба. Черногорцы же—это воины съ самаго дѣтства, жители суроваго и бесплоднаго славянскаго Дагестана. Каждый изъ нихъ считаетъ за особенную честь

носить въ себѣ вражью пулю или рану и чѣмъ больше у него послѣднихъ, тѣмъ почетнѣе онъ становится для своихъ товарищей.

Черногорець дикъ, самонадѣянъ, недовѣрчивъ ко всякому иностранцу, смотритъ на него съ высоты своего физическаго, а частію и духовнаго превосходства, но за то онъ мужественъ и высокодобронравенъ.

Сербы вовсе не трусы и обвинять ихъ въ прирожденномъ будто бы имъ этомъ недостаткѣ нельзя.

Люди вообще, въ массѣ, ни злы, ни добры, ни добродѣтельны и ни порочны, а дѣло все состоитъ въ политическихъ обстоятельствахъ, воспитывающихъ народный духъ и военную организацію.

Сербія много лѣтъ провела въ мирѣ, вдали отъ всѣхъ политическихъ событій

въ Европѣ; относительно же военной организаціи, по общимъ отзывамъ, даже передъ самымъ началомъ войны представляла какое-то до историческое ополченіе. Даже до окончанія военныхъ дѣйствій, говоритъ одинъ изъ добровольцевъ, у сербовъ не было ни кадровъ, ни инструкторовъ, ни офицеровъ, кромѣ русскихъ, ни военныхъ судовъ, ни опредѣленныхъ дисциплинарныхъ взысканій, а потому надо удивляться, какъ могъ только генераль Черняевъ держаться съ этой толпой противъ превосходной турецкой арміи въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ.

Не разъ тужилъ и говорилъ генераль, что еслибъ въ его рукахъ было хоть только двѣ русскихъ дивизіи, то давно бы онъ опрокинулъ армію Керимъ-паши и вошелъ бы въ Софію.

Совершенно въ иныхъ условіяхъ находилась и находится Черногорія.

Европа давно уже осудила этихъ горцевъ на тяжелый плѣнъ, отрѣзавъ имъ доступъ къ морю, отрѣзавъ у нихъ хоть сколько нибудь производительныя земли; а такимъ образомъ черногорець поставленъ на вѣчное военное положеніе подъ гнетомъ необходимости постоянно ожидать всякій случай, чтобы вывести силой свое отечество изъ созданнаго для него иностранцами жалкаго, невыносимаго положенія, и заставляетъ его полагаться единственно на свои силы.

Когда нашихъ добровольцевъ отпустили изъ лагеря Хорватовича, то они пошли въ Делиградъ и достигли до него уже на расвѣтѣ.

Заря уже занималась. Костры на бивуакахъ гдѣ потухли, гдѣ еще горѣли, но

вездѣ началось уже движеніе и въ то время, когда добровольцы подходили къ своему бараку, то увидали впереди несшуюся кавалькаду всадниковъ, во главѣ которой скакалъ бравый всадникъ на бѣломъ конѣ.

Кавалькада скрылась на дворѣ кафны главнокомандующаго.

Это былъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ и его начальникъ штаба, окруженные свитой изъ адъютантовъ и ординарцевъ.

VI

Бой съ турками.

Не прошло и двухъ дней, какъ Керимъ-паша повелъ атаку на сербскія позиціи.

Было пять часовъ утра, какъ съ турецкихъ батарей открылась сильная канонада, сербы отвѣчали имъ тѣмъ же. По горамъ загудѣлъ громъ пушечныхъ выстрѣловъ, бомбы, ядра и картечь какъ градъ, заносились въ воздухъ, и вотъ подъ градомъ ихъ, по приказанію отряднаго полковника Меженинова, двинулся въ дѣло русско-черногорскій батальонъ.

Медленно и стройно спускался онъ въ ложбину, гдѣ турки и сербы и добровольцы дрались въ рукопашную. Громъ

выстрѣловъ, боевые клики, стоны раненыхъ, проклятія, стукъ оружія, все это вмѣстѣ сливалось въ какой-то оглушительный хаосъ.

Враги дрались, не давая пощады другъ другу, и не прося ее: Русскіе добровольцы впереди и расчищали широкую дорогу себѣ; но число турокъ поминутно увеличивалось; на мѣсто павшихъ, появлялись новые батальоны, и свѣжія силы начали тѣснить русскихъ и сербовъ.

Не смотря на приказаніе своихъ предводителей, сербы начали отступать, оставляя на произволъ свои батареи. Турки подходили къ нимъ. Двѣ роты русскихъ добровольцевъ, соединясь, сдѣлали отчаянное усиліе, чтобы удержать врага, но все было напрасно. Въ страшной схваткѣ, двѣ трети русскихъ полегло на мѣстѣ, остальные подавляемые числомъ, дрогнули

и побѣжали. Кромѣ ротнаго адъютанта, всѣ русскіе офицеры сложили тутъ свои головы.

Наступила критическая минута. Турки съ побѣдными кликами вскакивали на батарею, избивая прислугу.

Но въ это время русско-черногорскій батальонъ былъ уже въ лощинѣ, и съ барабаннымъ боемъ, съ распущеннымъ знаменемъ шелъ впередъ. Офицеръ замѣтилъ его.

Давъ шпоры коню, онъ подлетѣлъ къ батальону и крикнулъ:

— Спасайте батарею! турки ужъ тамъ. Бѣгомъ, впередъ!

Батальонъ рванулся. Прокатилось оглушительное ура и русскіе и черногорцы въ яростномъ бѣшенствѣ налетѣли на турокъ. Одни ударили въ штыки, а другіе въ ятаганы. Началась страшная рѣзня холоднымъ оружіемъ.

Турки не выдержали боя, дрогнули и дали тыль. Баттарей была спасена.

Но въ то время, когда тутъ происходила общая схватка, въ сторонѣ, подъ высокимъ развѣсистымъ дубомъ происходилъ ожесточенный одиночный бой.

Одинъ русскій доброволецъ, атлетическаго сложенія, прислонясь къ дереву выдерживалъ сѣчу съ четырьмя турками.

Налетѣли на добровольца сперва двое враговъ, но мѣткая пуля его сразу обоихъ уложила на мѣстѣ; набросились потомъ на него еще двое съ ружьями на перевѣсь, но герой, у одного отбивъ штыкъ, раздробляетъ потомъ голову ему прикладомъ, а другаго насквозь прокалываетъ штыкомъ.

А въ это время баттарей сербовъ работали усердно и непрерывно. Одна баттарей изъ восьми пушекъ выпустила уже около 1200 гранатъ и сдѣлала двадцать

четыре картечных выстрѣла. Одну двѣнадцатифунтовую пушку взорвало отъ сильныхъ выстрѣловъ, а далѣе внизу происходитъ другая картина.

Русскій доброволецъ—офицеръ идетъ впереди своей роты и указывая саблей на врага только и кричить:

— Впередь! Равняйся!... Впередь!...

Но вотъ онъ пошатнулся и припалъ на лѣвое колѣно. Вражья пуля раздробила ему ногу.

Смутились сербы, разстроились и стали отступать. При офицерѣ остался только одинъ изъ русскихъ унтеръ-офицеровъ.

— Михайловъ, говоритъ раненый: останови бѣглецовъ!... Впередь, на турку! и самъ безъ чувствъ падаетъ на землю.

Жаль стало солдатику храбраго офицера; не хотѣлось оставлять его на погубаніе врагу, и вотъ онъ, подхвативъ

его на свои могучія плѣчи, повесъ его изъ битвы вонъ на перевязочный пунктъ; но не успѣлъ онъ съ своею ношей сдѣлать и десятка шаговъ, какъ увидалъ, что съ горы бѣжитъ сербъ, преслѣдуемый двумя турками.

— Жаль своего, прошепталъ доброволецъ, положилъ раненаго къ сторонѣ и бросился на помощь сербу.

Но несчастный былъ уже настигнутъ однимъ врагомъ. Въ воздухѣ свиснулъ острый ятаганъ и перерубилъ серба на двѣ части. Алчный турокъ кинулся къ нему, чтобы обобратъ убитаго; однако мѣткая пуля кладетъ басурмана на кровавую землю, а другой поворачиваетъ назадъ и спѣшитъ на утекъ.

Разгоряченный доброволецъ, съ обнаженною саблейъ кидается за нимъ въ погоню.

Настигнутый бѣглець, бросивъ оружіе, падаетъ на колѣни и съ крикомъ:

— Аллахъ, Аллахъ! умоляетъ о пощадѣ.

Доброволецъ, при видѣ безоружнаго, опускаетъ саблю, но въ эту секунду чья-то несется шальная пуля и пронизываетъ насквозь турка.

Онъ падаетъ. Крестится доброволецъ и бѣгомъ спѣшитъ къ тому мѣсту, гдѣ положилъ раненаго офицера; снова взваливаетъ его на плечи и тащитъ изъ боя.

Но вотъ сильнѣе и сильнѣе гремитъ и раскатывается канонада. Одолѣвавшіе было турки, теперь отчаянно кричатъ:

— Русь!... Русь!... Аллахъ, Аллахъ!

Ихъ ряды разстроиваются и рассыпаются. Въ воздухѣ гремитъ русское ура и изъ впадинъ пороховаго дыма, на ворономъ конѣ, вылетаетъ всадникъ, а за

нимъ съ примкнутыми штыками показываються бригады русскихъ добровольцевъ.

Это наступаетъ на турокъ полковникъ Межениновъ, ободряя всѣхъ своимъ примѣромъ. Еще разъ произносится ура; добровольцы бросаются въ штыки; турки въ мигъ опрокинуты и бѣгутъ на свои позиціи.

Бой оканчивается. Поле остается за побѣдителями. Съча шла четырнадцать часовъ.

Смогли выстрѣлы и на сербскихъ горахъ разыгрывается иная сцена.

Подобраны убитые и тамъ, на горахъ, священникъ отпѣваетъ тѣла убитыхъ. Ходить между ними какой-то солдатикъ, присматривается къ каждому трупу и все чего-то ищетъ

— Чего ты, Михайловъ, тутъ ходишь, кого отыскиваешь, спрашиваютъ его товарищи добровольцы.

— Да ищу тѣло моего капитана Алѣксея Борисовича Алмазова.

— Вонъ онъ! говорятъ ему, указывая трупъ храбраго капитана.

русскихъ въ Болгарію и ожили немножко послѣ провозглашенія ультиматума и произнесенія знаменательныхъ для христіанъ Турціи Великимъ Царемъ словъ въ первопрестольной Москвѣ; не мудрено поэтому, что и у турокъ, когда они почувствовали мощь и духъ русской силы, господствуетъ убѣжденіе, что ихъ царству наступаетъ конецъ.» (*)

Заслуга и геройство нашихъ добровольцевъ, этихъ передовыхъ бойцовъ съ магометанами, увеличивается въ глазахъ каждаго человѣка и тѣмъ еще болѣе, что очи пошли въ бой не изъ корысти или отъ нечего дѣлать; но покидая семьи, женъ, сестеръ и невѣстъ, сами несли свою послѣднюю, трудами добытую копѣйку, на общее христіанско-славянское дѣло и жертвовали ей такъ же, какъ полагали за это дѣло свою душу и лили кровь на чужихъ поляхъ.

(*) Р. В. № 313.

Въ лицѣ этихъ храбрецовъ русскій народъ заявилъ всѣмъ, что онъ способенъ на великія дѣла и имѣеть великодушныя чувства.

Миръ праху тѣхъ, кто палъ въ бояхъ
И слава тѣмъ, кто вышелъ цѣлъ!
Она промчится изъ края въ край
И не умретъ до той поры,
Пока хоть будетъ лишь одинъ
Въ землѣ славянскоѣ славянинъ!

Вы окрили русскій духъ,
Явивъ его средь грозныхъ сѣчъ;
Вы показали еще разъ,
Что Русь сильна, что Русь крѣпка
И одолѣть ее врагу

Придется лишь не по плечу.
Вы братья сербамъ по кресту
Геройски кровь лили за нихъ,
И не оставили народъ
На жертву лютomu врагу.
Вы душу клали за Христа
Въ бою съ врагомъ Его креста!

к о н е ц ъ .

ПРОДАЕТСЯ

У ИЗДАТЕЛЯ-КНИГОПРОДАВЦА

П. Н. ШАРАПОВА

ВЪ МОСКВѢ

близъ Ильинскихъ воротъ, въ домѣ Купеческаго
Банка.